

РУССКИЙ ДЕТЕКТИВ В АМЕРИКЕ

ОБМЕН ОПЫТОМ

АЛЕКСАНДР ГРИЧ

ВИЛЛА
МЕРТВОГО
ДОКТОРА

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г82

Грич, Александр.
Г82   Вилла мертвого доктора / Александр Грич. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с.

ISBN 978-5-699-97204-3

В пригороде Лос-Анджелеса на вилле Шеппард-Хауз убит ее владелец, известный кардиолог Ричард Фелпс. Поиски киллера поручены следственной группе, в состав которой входит криминальный аналитик Олег Потемкин, прибывший из России по обмену опытом. Сыщики уверены, убийство профессора — заказное, искать инициатора надо среди коллег Фелпса. Но Потемкин думает иначе. Знаменитый кардиолог был ярким противником действующей в стране медицинской системы. Это значит, что его смерть могла быть выгодна и фигурам более высокого ранга. Последующие шокирующие события показали: русский аналитик оказался прав...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97204-3

© Грич А., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Живая музыка — это живая музыка... Разве можно сравнить живое звучание скрипки с тем, что доносят до тебя восемь или шестнадцать динамиков самой изощренной аудиосистемы?

Да хоть не восемь, а восемьсот — Олега в один из его приездов в Лос-Анджелес привели в помещение, где хозяин устроил аудиосистему из более чем тысячи динамиков. На экране заходил на посадку самолет, и звук смещался соответственно.

Какие-то фанаты скажут, что звук музыки в такой системе — куда лучше натурального. Может, и лучше, думал Олег, но это все равно не живая музыка.

Виртуальность — она и есть виртуальность. А то, что происходит здесь и сейчас — хорошее ли, плохое, — оно подлинное.

Поэтому Олег Потемкин не любил смотреть в записи решающие матчи по теннису. Если уж нельзя каждый год летать в Уимблдон или на US Open — есть живая трансляция. А когда ты смотришь игру в записи, даже не зная результата, — все равно не то ощущение, не то впечатление: ты ведь знаешь, что матч уже состоялся, все, что должно произойти, — произошло, и страсти, бушующие на экране, борьба нервов и характеров, отчаяние от неожиданной ошибки и

тщательно скрываемое торжество от ошибки соперника — все это уже на самом деле давно прошло, все принадлежит истории, игроки и сотни миллионов людей знают результат, а ты сидишь в тиши своего дома и делаешь вид, что вернул время назад. Тщетные попытки...

То же и с живой музыкой.

Олег любил еще с первых своих приездов в Лос-Анджелес ходить в огромный зал под открытым небом — «голивудский котел», Hollywood Bowl.

Вмещал этот котел то ли пятнадцать, то ли шестнадцать тысяч человек, в темном небе над ним на первых порах во время концертов скрещивали прожекторы — чтобы полицейские или теленовостные вертолеты не помешали вдруг случайно концерту. Сейчас эти времена давно уже позади, и в темном небе над залом только проплывают облака да в дни национальных праздников распускаются букеты салютов.

И вот ты сидишь на скамейке на самом верху огромного амфитеатра, или на стуле где-нибудь в середине, или в кресле, в кабине-ложе у самой сцены, попиваешь вино или шампанское, которое купил перед входом в зал, и слушаешь музыку. Самое главное — ее хорошо слышно, Олег ясно помнил, как лет двадцать назад, в один из первых приездов в Калифорнию, он попал сюда на концерт Хворостовского. И вот объявили «Ноченьку». И Хворостовский пел а капелла — и Олег, сидя на самом верху, слышал отчетливо каждую ноту...

Что же касается остальных тысяч людей, которые слушают музыку с тобой рядом, — ты их не замечаешь, а они не замечают тебя. Прекрасная и страшная черта этой страны — ты везде один. Нет, аплодируют все вместе и встают, когда начинают играть нацио-

нальный гимн, — тоже, но никто не мешает тебе слушать музыку. Одиночество в толпе — в Hollywood Bowl — это хорошо.

И вот Потемкин наслаждался этюдами Шопена, потягивал себе красное вино из любимой калифорнийской Лунной долины и получал удовольствие.

Время от времени он позволял себе так бездумно расслабляться, причем всегда один — никого рядом ему было не нужно, когда он слушал музыку, — ни приятелей, ни очередной дамы сердца, ни коллег из спецгруппы — их уж точно не нужно. Добрые отношения и все такое существуют, конечно, но это служба, а одна из целей, когда слушаешь живую музыку, — забыть обо всем остальном и отдохнуть.

В антракте здесь совсем не так, как в театре, где люди гуляют по фойе или ходят по рядам... Кто-то выходит покурить, поскольку в амфитеатре это категорически запрещено, многие приносят закуски и устраивают импровизированные пикники на траве — с вином и бутербродами, а кто-то, как Олег, просто сидит на месте, лениво и беззаботно оглядывая зал. Лос-Анджелес — не Москва, но и здесь иногда на концертах встречаешь знакомых. С Олегом это бывало редко — круг общения тут весьма ограничен, но, как ни странно, на этот раз знакомые были.

Прошла по проходу впереди чета программистов Торенсов, улыбнулась приветливо, кивнула. Слегка коснулся плеча, проходя мимо, Стивен Крейнц из соседнего отдела, а из ложи у сцены махал Фелпс, известный кардиолог, к которому Олег водил в прошлый приезд на консультацию гостя из России.

Вряд ли они с врачом запомнили бы друг друга, если бы не случайно выяснившаяся общая страсть к филателии. Так установились ничего не значащие

добрые отношения, которые Олег с удовольствием поддерживал. Группа (так называли между собой сотрудники подразделения, для которого работал Олег), помимо прочего, настоятельно рекомендовала сотрудникам иметь таких добрых, ни к чему не обязывающих знакомых в самых разных жизненных сферах.

Так почему бы и не Фелпс? Готовясь к визиту, Олег знал, что это медик, широко известный в стране, имеющий высокую деловую репутацию и пользующийся авторитетом у коллег. Кроме основной работы, он был известен еще и критикой существующей медицинской системы в США.

Критиковал он эту систему, не стесняясь в выражениях, а поскольку рот ему было закрыть трудно, выступления эти имели довольно широкий резонанс.

Фелпс, помимо прочего, просто по-человечески был приятен Олегу. Знаете, как бывает в жизни? Человек не сделал тебе ничего плохого, а ты с ним не хочешь видеться. А бывают, напротив, люди, располагающие к себе. Ричард Фелпс, безусловно, к себе располагал. Был он человеком широким, обаятельным, умным, ироничным и, как считалось, имел большое будущее.

И конечно, Олег Потемкин, сотрудник Группы, москвич, приехавший в Лос-Анджелес «по обмену опытом», и думать не думал, что на этом вечере Шопена он видит Фелпса в живых в последний раз.

* * *

Неширокая улица была полностью перекрыта. «Скорая помощь», машины парамедиков, полиция... Олег оставил свой «Кадиллак» в соседнем квартале и, предъявив удостоверение, прошел за желтую ленту.

Хопкинс позвал его к себе час назад и без особого удовольствия предложил оставить текущие дела и выехать в Вудланд-Хиллз.

— Там убили кардиолога... Этого, борца против нашей медицинской системы... Ричард Фелпс, помнишь такого?

Хопкинс прекрасно знал, кого и как Олег помнит, потому и позвал его.

— Когда?

— Часа два назад. Мне звонили из министерства. Журналисты уже там, и наши опасаются, как бы делу не был придан политический оттенок. У них там, кажется, в семье были нелады. Да ты знаешь, наверное...

— Понятия не имею.

Олег действительно и знать не знал о семейных отношениях Фелпсов. Жена Ричарда однажды появилась во время их беседы, сказала что-то незначительное и исчезла. Олег про себя отметил, что она, очевидно, из тех женщин, которые любят контролировать все и всех вокруг. Но семейные отношения Фелпсов его никак не интересовали.

— Теперь поинтересуешься. — Хопкинс словно прочитал мысли Олега.

— Ребят я пока не беру. — Олег дождался, пока Хопкинс кивнул в ответ. — Может, там ничего особенного...

Вопрос этот имел двойную цель: предупредить Хопкинса, что он пока выезжает один. И второе — чтобы Хопкинс был готов к тому, что уже завтра понадобится вся группа — и это вовсе не инициатива Олега, а самого Хопкинса.

Бюрократические игры везде похожи — в самых разных организациях и в самых разных странах...

— Да, — услышал Потемкин уже на пороге. — По поводу Фелпса звонил конгрессмен Рэдфорд, Мэлвин

Рэдфорд. Из влиятельных. Так что не удивляйся, если я что-то понимаю, он с тобой еще свяжется. И не раз.

— Знаю, ты меня никогда не оставляешь без подарков, — хмыкнул Олег, выходя.

Клиника Фелпса даже внешне была необычна — трехэтажное здание на холме, небольшой, но уютный особнячок с черепичной крышей и прозрачной шахтой наружного лифта, этакая современно-сказочная избушка на курьих ножках, увидишь — не забудешь. Здание было построено в начале прошлого века известным тогда лос-анджелесским архитектором, по его фамилии особняк был назван Шеппард-Хауз. Говорят, в нем жил какой-то знаменитый актер. И был известен этот Шеппард-Хауз не только своим необычным видом, но и тем, что там время от времени случались странные истории. То ли привидение появлялось, то ли предметы сами по себе места меняли, то ли что еще — Олег хмыкнул про себя, когда впервые об этих ужасах услышал, подумав, что все еще молодая Америка никак не избавится от привычки копировать старую добрую Англию — и замки им, американцам, подавай. И непременно с привидениями...

Фелпс Олегу об этом сам говорил, рассказывая, как ему три года назад, когда он решил купить этот особняк, категорически не советовали этого делать.

— А мне он нравится, — сказал тогда Фелпс жизнерадостно. — Мне он сразу понравился. Честно вам скажу — я его заприметил давно, очень давно... — Фелпс мечтательно улыбнулся и вроде бы еще что-то хотел сказать, но прервал себя. — Вот вы когда впервые приехали в ЭлЭй?

— В девяносто седьмом, кажется.

— Много ли домов вы помните просто так, по внешнему виду? — и, не дожидаясь реакции Олега: — Да нет, конечно. Считанные единицы. А я — сторонник того, чтобы делать что-то запоминающееся. Потому и решил его купить. Хотя и недешево было. И лифт пришлось построить, чтобы больным было удобно... Но вот — я тут, и клиника тут. Вам нравится?

— Безусловно.

Олег говорил вполне искренне. Фелпс сумел создать в клинике действительно атмосферу сказки — нестандартную для медицинского офиса. Три раза приезжал сюда Олег со своим протеже — и никогда не было скопления больных ни у кабинета Фелпса, ни у процедурных, ни в приемных других врачей (в клинике, кроме Фелпса, работали еще трое или четверо).

— Ну вот видите! — заключил тогда Ричард. — А они меня все пугают!

Сколько времени прошло с этого разговора?.. И вот Олег осматривает место преступления.

Фелпс был убит в своем кабинете двумя выстрелами в висок. Выстрелов никто не слышал, применялся пистолет двадцать второго калибра. Обычно — спортивное оружие, но этот был профессиональный «Ругер». Удобная штука — компактная, почти бесшумная, с высокой точностью.

Как рассказала Олегу все еще не пришедшая в себя после случившегося помощница Фелпса Кристина, день у Ричарда проходил как обычно.

Он пришел в клинику очень рано (обычно сам вместе с охранником открывал ворота стоянки в шесть). С утра — работа с бумагами, прием ранних больных — почти всегда было два-три человека, которым удобны

были для приема эти утренние часы, чтобы успеть на работу пораньше.

После — просмотр утренних новостей, работа с коллегами по интернету, ответы на имейлы... И снова — больные. В этот «регулярный» прием в тот день прошли через кабинет Фелпса двое, ждала приема еще одна пожилая дама, Эрнестина Вессон. Эрнестина утверждает, что в кабинет после того, как вышел предыдущий больной, мужчина спортивного вида, средних лет, — так вот, после него в кабинет никто не заходил.

Эрнестина терпеливо ждала приема — доктор обычно приглашал больных сам, Кристина занималась другими делами. Прошло пять минут, десять... Миссис Вессон точно знала, что доктор Фелпс не заставляет ждать. И тогда она решила постучаться в кабинет к Кристине. Та попыталась позвонить доктору — он не ответил. Кристина вошла в кабинет и увидела, что Фелпс лежит на письменном столе — руки раскинуты, в правой — пистолет, вокруг головы расплылась лужа крови.

На крик Кристины прибежали другие врачи.

Вызвали полицию и «Скорую» — но медикам здесь делать было уже нечего.

Медэкспертам — другое дело, они еще работали с телом. Но окончательные результаты вскрытия будут не раньше вечера.

Из кабинета готовился выйти медэксперт Глетчер, давний знакомый Олега. Он задержался в дверях, еще раз окинул комнату взглядом, словно проверяя, не забыл ли чего. На самом деле, знал Олег, Глетчер никогда и ничего не забывает, а задержался просто по привычке ничего не делать быстро. Этот Глетчер как-то в ходе расследования убийства на Малхолланде, когда страсти были накалены, и дело было на

спецконтроле, и начальство требовало немедленных результатов, — повернулся и демонстративно ушел с места преступления. Олег, у которого тогда уже были с ним доверительные отношения, пошел следом. И не зря.

Глетчер отошел буквально метров на сто, продемонстрировав, что отделил себя от общей суматохи, и неторопливо закурил сигарету. Олег смотрел на него вопросительно.

— Надо помнить мудрость древних, — сказал тогда Глетчер после паузы, вкусно затягиваясь. — А знаете, в чем одна из их главных мудростей? Когда Платона — или Ксенофонта, кажется, спросили, что в мире ему всего неприятней, — знаете, что он ответил? — Глетчер снова затянулся и произнес почти по слогам: — Вид спешащего! А потому, друг мой, я взял за правило не спешить — никогда и никуда, чтобы не быть посмешищем. В первую очередь — для себя самого.

Олегу была по душе эта особенность Глетчера, а потому он и сейчас спокойно дождался, пока эксперт освободится и сам обратит на него внимание. Минуты через три это произошло.

— На самоубийство не похоже, — проговорил Глетчер, не дожидаясь вопроса. — У него — рана в виске. И пистолет вложили в руку. Но как-то все это сделано... Небрежно, что ли? Пистолет — в правой руке, а смертельная рана — в левом виске. Попробуй так тянуться — неудобно. Нет, он не был левшой, я уже поинтересовался. И еще эта записка на столе — вот, полюбуйтеcь.

Записка была и впрямь необычная. На стандартном листе писчей бумаги большими печатными буквами было аккуратно выведено: «NOTHING PERSONAL». «Ничего личного» — вряд ли такие слова стал бы пи-

сать на прощание человек, решивший покончить счеты с жизнью.

— А теперь, — попросил Потемкин, — немного нашего личного...

Глетчер кивнул — в знак того, что помнит эту их с Потемкиным условную фразу. Олег как-то, в одном из давних расследований, попросил Глетчера поделиться, так сказать, неформальными, личными впечатлениями по делу. Тогда это оказалось полезным, и термин прижился...

— Вот вам личное. Невольно вспомнил — и сравниваю. Три года примерно назад покончил с собой другой замечательный врач — Ленни Квинс. Нашли его в машине. Тоже выстрелил себе в висок. Только в правый. Тоже пистолет в руке. И даже калибр, по моему, тот же — двадцать второй. Следствие тогда долго не могло решить — самоубийство это или убийство.

— А вы что думаете?

— А что мои думы? Там начинается долгая история. С одной стороны — этот Ленни, каким я его знал, пятерых бы уложил, прежде чем стрелять в себя. С другой — он был алкоголиком, и мы при вскрытии обнаружили большую дозу алкоголя в крови. То есть он был сильно пьян в момент смерти... С третьей стороны — решающих улик не было. *In dubio pro reo*¹. Так все и кончилось... Но смотрю сюда, — Глетчер кивнул на стол Фелпса, — и вспоминаю... Итак: во-первых, стреляли с близкого расстояния, почти в упор, — продолжал Глетчер. — У меня впечатление, что Фелпс знал стрелявшего. Судя по положению тела, профессор оторвался от бумаг на письменном столе, чтобы

---

¹ *In dubio pro reo* — (лат.) сомнения — в пользу обвиняемого.

просто ответить зашедшему в кабинет на какой-то вопрос. Если бы он почувствовал что-то угрожающее, он бы вскочил на ноги, что-то сделал или по крайней мере попытался сделать. А тут... Полная безмятежность, я бы сказал. Если завтра позвоните, сообщу подробности. А пока... — Глетчер шутовски приподнял неизменную свою кепочку. — Берегите себя, джентльмены.

Олег отошел в угол и стал присматриваться к обстановке небольшого кабинета. Ничего необычного — разве что на стене вместо неизбежных в медицинских офисах печатных недорогих репродукций живописной классики — здесь увеличенная старая фотография Шеппард-Хауза. Снята, судя по всему, лет восемьдесят назад, вокруг сказочного домика еще совсем мало строений — тогда это была городская окраина.

Замечательный снимок. Да еще на стене за креслом Фелпса в рамке небольшая миниатюра — Олег вспомнил, как Фелпс горделиво показывал ее — это подарок от какого-то восточного шейха, которого Фелпс вылечил. Оригинал средневековой персидской миниатюры — стоит наверняка изрядную сумму, но вот она на стене, а чего стоило корыстному убийце положить ее в карман да и унести?

Значит, не за этим приходил или приходили к Фелпсу.

Кто, кстати, приходил? И откуда?

Олег осторожно прошел к дверям в задней стене кабинета. Что там? Комната отдыха? Да, примерно что-то в этом роде. Раскладной диван, кресло, небольшой столик с лампой. На нем — включенный лэптоп. На экране дружно водили смычками музыканты, и из динамиков тихо лилась музыка. Дальше — небольшая